

THE
NEW REVIEW
Новый Журнал

Основатель М. ЦЕТЛИН

Пятнадцатый год издания

Кн.
XLIV
1956

НЕИЗВЕСТНАЯ ПЬЕСА ЧЕХОВА

В биографическом очерке, приложенном ко 2-му тому чеховских писем, младший брат писателя, Михаил Павлович, сообщает: «Будучи студентом, он (А. П.) написал большую пьесу, которую мечтал поставить на сцене Московского Малого Театра и даже носил ее известной московской артистке М. Н. Ермоловой на просмотр. Пьеса эта была очень громоздка, с поездом железной дороги, с конокрадами и самоубийством, но всё это были шалости пера». В другом месте¹ М. П. Чехов упоминает об этой пьесе подробнее: «После приезда в Москву Чехов написал большую драму с конокрадами, стрельбой, женщиной, бросающейся под поезд. Я переписывал эту драму и у меня от волнения холодело под сердцем. Как теперь понимаю, это было что-то очень громоздкое, но тогда казавшееся мне, гимназисту, верхом совершенства... Не знаю, что ответила брату Ермолова, только мои старания четко переписывать драму так и пропали даром: пьеса вернулась обратно и была разорвана автором на мелкие куски. От нее уцелела только одна фамилия «Войницкий», которая воскресла потом в «Дяде Ване».

В 1920 г. среди различных чеховских материалов, поступивших в Литературный Архив, была найдена авторская рукопись неизданной пьесы в четырех действиях, без заглавия. По почерку Чехова, тонкому и сжатому, специалисты отнесли ее к 1880-81 гг.: Чехов был тогда студентом-медиком первого или второго курса. По содержанию эта пьеса несомненно совпадала с той, о которой рассказывает М. П., хотя о самосуде над конокрадом в ней только упоминается на сцене. Так как чистовая рукопись, по свидетельству М. П. Чехова, была разорвана автором на «мелкие куски», то найденный экземпляр являлся повидимому рабочей копией; он

¹ А. Грузинский-Лазарев: Пропавшие романы и пьесы Чехова. Сб. «Энергия». СПб. 1914.

тем особенно и интересен, что носит на себе следы многочисленных авторских поправок и сокращений. Таким образом, юношеская пьеса Чехова не исчезла бесследно, как предполагал М. П., и от нее уцелела для Чехова — как мы увидим дальше — не одна только фамилия героя (кстати, Войницев, а не Войницкий).

Не приходится удивляться тому, что Ермолова отвергла произведение начинающего автора; пьеса действительно «громоздка», небрежно построена и слишком длинна: в ней 226 печатных страниц (в «Трех сестрах», например, — всего 80). Запутанность действия, нагромождение драматических событий (многократные покушения на убийство и самоубийство, измены, драки, насильственная смерть) внутренне ничем не оправданы: чувствуется, что молодому автору хотелось и «потрясти зрителя» и в то же время втиснуть в свое произведение все образы и замыслы, в нем накопившиеся. Язык действующих лиц изобилует провинциализмами и вульгаризмами: «я за вами соскучился», «стуло», «он ее пхнул», «извините, я на вас тыкнула» (сказала вам «ты») и т. п. Словом, на первый взгляд, это типичная юношеская драма со всеми недостатками, свойственными произведениям двадцатилетних провинциалов.

Но если, несмотря на это, «Неизвестная пьеса» живо увлекает нас, то не потому только, что читателю дорога всякая чеховская строка. В этом раннем произведении — зачатки драматического творчества Чехова. Здесь впервые возникают мотивы чеховских пьес — от самой первой, «Иванова», до последней — «Вишневого сада», написанной им за год до смерти. Здесь намечаются и уточняются характеры чеховских героев; образы, настроения Чехова, самый чеховский тон, даже приемы воздействия на зрителя зарождаются здесь на наших глазах. Заметим кстати, что эта пьеса — самое крупное произведение начинающего писателя (Чехов в ту пору печатал, как известно, только рассказы о дачных мужьях и тещах в разных «Будильниках») — была им тщательно от всех утаена. Чехов нигде о ней не упоминает.

Попробуем вкратце изложить содержание этой пьесы, выделив из слишком сложного узора лишь основные мотивы. Действие происходит в деревне. Генеральша Анна Петровна Войницева, молодая вдова, приезжает летом в свое имение. (Ср. «Вишневый сад» и возвращение Раневской в 1-м акте). С ней — ее пасынок Сергей Войницев, кандидат прав, и его

жена Софья. Дела генеральши расстроены: имение ее заложено в банке и скоро должно продаваться с торгов. Она должна всем своим соседям — помещику Глагольеву, кабатчику Венгеровичу, купцу из крестьян Бугрову. Всех своих кредиторов генеральша принимает у себя в имении, все они в нее влюблены — но сама она втайне любит 27-летнего сельского учителя Платонова, сына разорившегося помещика, оригинала и нелюдима. Платонов нравится не одной генеральше: в него влюблена и его жена, доверчивая простушка Саша, и падчерница генеральши, Софья Войницева, и курсистка-химичка, Грекова, которую он без всякого повода, из озорства, публично оскорбляет. Легко увлекающийся, поддающийся минутному настроению, Платонов изменяет Саше с генеральшей, а генеральше с Софьей. Его легкомыслие порождает ряд катастроф: Саша, узнав об измене мужа, дважды пробует покончить с собой: сначала пытается броситься под поезд, потом отравиться, — а Софья Войницева, которую он, несмотря на клятвы в вечной любви, бросает после кратковременной связи, убивает его из револьвера. Конец пьесы — для Чехова — остро драматичен: Платонов погиб, жизнь молодых Войницевых и Саши разбита, имение генеральши продано за долги; Войницевы остаются без пристанища.

Центральным персонажем пьесы является Платонов — очень вероятно, что пьеса в оригинале была названа именно по его фамилии. Читатель знакомится с ним, когда у него, несмотря на его молодость, уже всё в прошлом. Платонов бросил университет, не кончив курса, зарылся в глуши, поступил в народные учителя, но и этим делом занимается без убеждения и без охоты; проводит время в одиночестве, в безделье, или в бесплодных разговорах и пьянстве.

Вот как Платонов объясняет Софье Войницевой, знавшей его когда-то студентом, смелым и деятельным, происшедшую в нем перемену:

Платонов: Стушевалось безобразно, пропало навсегда мое золотое время. Провел я его на грязные пустыки. Всё в могилу зарыл, кроме этого тела. Не говорю про людей — что я сделал лично для себя? Что я в себе посеял, что взлелеял, что взрастил? А теперь! Эх... Страшное безобразие! Возмутительно! Зло кишит вокруг меня, пачкает землю, глотает моих братьев во Христе и по родине, я же сижу, сложив руки, как после тяжелой работы; сижу, гляжу, молчу... Мне

27 лет, в 30 я буду таким же — не предвижу перемены. Там дальше жирное халатничанье, отупение, полное равнодушие ко всему что не плоть, — а там смерть. Пропала жизнь... (Пауза). Глубоко зарыты мои таланты, глубоко завязли в болоте... Или не выкапывал я их отродясь, или же сам зарыл... (Пауза). Как подняться, Софья Егоровна? (Пауза). Вы молчите, не знаете...

Из дальнейшего мы узнаем, что Платонов в ранней молодости был идеалистом, пытался бороться со злом: «Был в университете, вспоминает он, и на Театральной площади, бывало, падшим хорошие слова говорил... Люди в театре, а я на площади... Раису выкупил... Собрал со студентов 300 целковых и другую выкупил... Показать ее письма?».

Почему же Платонов так быстро остыл ко всему, так опустился? Какая катастрофа изменила его жизнь? Прямого ответа на этот вопрос мы не найдем в пьесе, но он ясен: Платонов болен болезнью чеховских героев — безволием, отсутствием мужества и выдержки. «Я не избирал себе карьеры и не делал промаха, говорит он, я никогда ничего не избирал...» И еще: «Мне ничего не может мешать. Я — лежащий камень. Лежачие камни сами для того созданы, чтобы мешать».

Намеченный в этой пьесе несколько мелодраматический образ Платонова развивается Чеховым 6 или 7 лет спустя, в 1887 году, в его первой большой драме «Иванов». В преемственной связи между Платоновым и Ивановым не может быть сомнения. Оба они российские Гамлеты. «Вам всем кажется, что он на Гамлета похож», говорит о Платонове влюбленная в него курсистка, и сам он признается: «Гамлет боялся сновидений, а я... боюсь жизни!». — «Ты воображаешь, что нашла во мне второго Гамлета», говорит Иванов Саше («Иванов», д. III). Вышеприведенной тираде Платонова соответствует очень близкий по содержанию монолог Иванова:

Иванов: Ну, не смешно, не обидно ли? Еще года нет, как был здоров и силен, был бодр, неутомим, горяч, работал этими самыми руками, говорил так, что трогал до слез даже невежд, умел плакать, когда видел горе, возмущался, когда встречал зло... А теперь, о Боже мой! Утомился, не верю, в безделии провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозг, ни ноги, ни руки. Имя идет прахом; леса трещат под топором... Земля моя глядит на меня, как сирота. Ничего я не

жду, ничего не жаль, душа дрожит от страха перед завтрашним днем...» («Иванов» д. III).

Схожа и личная судьба обоих героев. Платонов женился на доброй и наивной Саше, «чтобы иметь семью» («мы с ней сошлись как нельзя лучше, говорит он, — она глупа, а я ничего не стою»), — но очень скоро к ней охладел; Иванов равнодушен к гибели Сарры, пожертвовавшей для него всем. Обои страстно увлекаются женщины, и оба при всякой новой встрече загораются сами, верят в «новую жизнь», верят искренно, но недолго: скоро ими овладевают сомнения и раскаяние. Эта неустойчивость и бесхарактерность свойственна многим чеховским персонажам: «У меня нет своей воли, говорит Тригорин («Чайка»), вялый, рыхлый, всегда покорный — неужели это может нравиться женщинам?».

В известном письме Суворину (от 30-го дек. 1888 г.) Чехов объясняет характер своего «Иванова»: «Прошрое у него прекрасное, как у большинства русских интеллигентных людей. Настоящее всегда хуже прошлого. Почему? Потому что русская возбудимость имеет одно специфическое свойство: ее быстро сменяет утомляемость... Человек сгоряча, едва прыгнув со школьной скамьи, берет ношу не по силам, берется сразу и за школы, и за мужика, и за рациональное хозяйство... Но едва дожил он до 30-35 лет, как начинает уже чувствовать утомление и скуку. Разочарованность, апатия, нервная рыхлость, и утомляемость являются непременно следствием чрезмерной возбудимости, а такая возбудимость присуща нашей молодежи в крайней степени... Говорю вам по совести, искренно: эти люди (Иванов и Львов) родились в моей голове не из морской пены, не из предвзятых идей, не из «умственности», не случайно. Они результат наблюдения и изучения жизни».

Всё, что Чехов говорит здесь об Иванове, может быть отнесено и к Платонову, прообразу «утомленного интеллигента», первому, еще неясно очерченному чеховскому герою. И Иванов и Платонов боятся ответственности, боятся жизни; в обоих скука и апатия заглушила живую энергию; оба гибнут жертвами собственного безволия и губят других.

В «Неизвестной пьесе» мы встречаемся и с другими персонажами, которым суждено облечься плотью и зажечь настоящей жизнью в позднейших драмах Чехова; здесь они только еще намечены. Так, генеральша Войницева напоминает Раневскую: так же, как владелица «Вишневого сада», она

щедро, неисправимо беспечна, далека от практической жизни. А конокрад Осип, романтический разбойник, влюбленный в генеральшу, или земский врач Трилецкий, недавно вышедший из университета, но уже утомленный, не верящий в медицину — разве не вызывают они в памяти конокрада Мерики, «вольного человека» — и целую вереницу земских врачей, подавленных собственным бессилием перед деревенской нуждой?

Выше мы уже отметили одну из тем «Неизвестной пьесы», совпадающую с темой «Вишневого сада»: продажу дворянского имения за долги.

В «Вишневом саду» это основной стержень драмы, здесь — лишь один из ее мотивов; но обстоятельства, сопровождающие продажу имения в обеих пьесах сходны.

Во втором действии «Неизвестной пьесы» в заложенной и обреченной *Войницевке* происходит бал. «Сад перед домом. Окна открыты. Из окон несутся смех, говор, звуки рояля и скрипки. В глубине сада китайская беседка, увешанная фонарями. Сад и дом освещены». И Платонов, находящийся в числе приглашенных, говорит приятелю с досадой:

«Удивляют меня эти беспечные Войницевы! Фейерверки стоят 25 целковых, шампанское сто целковых, вин, водки куплено тоже на сто. Рублей в триста одним словом обойдется этот злокачественный вечер... Триста рублей! А должны по горло... Досадно и жалко, тем более, что считаешь их умными людьми». Эта сцена напоминает бал в 3-ем действии «Вишневого сада», в самый день продажи имения, и аналогичное замечание Вари по поводу неуместных расходов.

Как и персонажи «Вишневого сада», Войницева и ее пасынок Сергей не слишком задумываются о судьбе имения; они смутно надеются, что всё как-то устроится само собой; к тому же их друг, помещик Глагольев, обещал своевременно их выручить.

«— Объясни мне, пожалуйста, спрашивает Платонов, что значит это объявление в Ведомостях? Неужели в самом деле пришла пора?

Войницев: Нет, не беспокойся (смеется). Это — маленькая коммерческая комбинация. Будут торги и имение наше купит Глагольев. Он освободит нас от банка, и мы ему, а не банку будем платить проценты.

Платонов: Не понимаю. Какая ему тут выгода? Дарит

он что ли? Не понимаю я этого подарка... да и едва ли он вам нужен.

Войнищев: Нет... Впрочем, я сам не совсем понимаю. Спроси у татан, она растолкует. Знаю только, что имение после продажи останется за нами...».

Однако «маленькая коммерческая комбинация» оборачивается обманом: в конце пьесы мы узнаем, что торги уже состоялись, но имение куплено не Глагольевым, нсожиданно уехавшим за границу, а кабатчиком Венгеровичем через подставное лицо, купца Бугрова. Бугров, один из завсегдаев генеральши Войнищевой, сам приезжает сообщить ей о продаже имения:

Бугров: Я, собственно по тому случаю заехал, что вчерась были торги, как вам известно... Вы на меня не обижайтесь, сделайте милость. Не я купил имение. Купил его Абрам Абрамыч, а на мое имя только. ...Абрам Абрамыч велел передать, что жить здесь можете, сколько вашей милости угодно, хоть до Рождества... Переделочки здесь кое-какие будут, ну да они вам не помешают-с. А ежели что такое и во флигель можете перебраться.

Анна Петровна: Оставьте нас, Тимофей Гордеич. Извините... Уйдите, пожалуйста.

Бугров: Слушаю-сь (встает). Так вы не извольте беспокоиться... Я завтра или послезавтра засду-с...

Анна Петровна: Завтра же выедем отсюда!

Эту сцену следует сопоставить со сценой «Вишневого сада», когда Лопухин смущенно и радостно сообщает присутствующим, что владельцем имения является отныне он, бывший «мужичек», сын крепостного. И «переделочкам» в доме соответствует рубка вишневого сада.

Вишневый сад достается купцу из крестьян, Войнищевка — разбогатевшему кабатчику-мещанину. Эта тема — исчезновение дворянских гнезд, вызванное обеднением и беспечным равнодушием их обладателей, и возникновение нового социального слоя — разбогатевших купцов и мещан, впервые здесь затронутая молодым Чеховым, будет занимать его всю жизнь и художественно претворится много лет спустя в его последней пьесе.

Любопытно, что в биографии самого Чехова мы находим аналогичный эпизод: продажу дома с торгов и покупку его «вероломным другом»; как известно в 1876 году П. Е. Чехов, спасаясь от кредиторов, должен был бежать из Таганрога в

Москву; его близкий друг, некто Селиванов, обещал ему позаботиться о его доме и семье. Забота свелась к тому, что Селиванов сам купил дом на банковских торгах за 500 рублей и выселил семью Чехова. 16-летний А. П., не кончивший еще гимназии, остался тогда один в Таганроге и продолжал жить в отведенном ему углу бывшего отцовского дома. Таким образом, тема «Вишневого сада» — продажа родного дома и покупка его обманувшим другом — через «Неизвестную пьесу» восходит к эпизоду из ранней юности Чехова. И можно предположить, что это событие сильно и глубоко его поразило: дважды в своем драматическом творчестве он возвращается к нему.

Чрезвычайно интересно проследить, как в самом процессе работы над переделкой и сокращением пьесы созрел вкус автора, пробуждались в нем чувство меры и художественной правды, инстинктивная склонность к точности и предельной сжатости, — как, короче говоря, Чехонте превращался в Чехова. В качестве наиболее яркого примера работы Чехова над пьесой приведем два варианта одной и той же сцены.

Вот содержание этой сцены: Сергей Войницев узнал, что его жена Софья изменила ему с Платоновым, его лучшим другом. Войницев приходит к Платонову с намерением требовать у него объяснения.

Первая редакция

Платонов лежит на постели притворяясь спящим. Войницев показывается в окне.

Войницев: Прав он или не прав, до меня не касается. Я страдаю и... мстить хочу! Вот что! Я сумасшедший... Сейчас... Первый раз в жизни ненавижу и... убью. Сейчас! Сейчас! (Поднимает кинжал).

Платонов: (вскакивает) Назад!

Войницев быстро соскакивает с окна и скрывается.

Платонов: Ради Бога! Что ты делаешь? Прочь! Назад! Я сам убью себя, если ты хочешь моей смерти! (Стучит ногами). Прочь! Он несчастный, жалкий! Нет его? Исчез? (Хватает себя за голову). Он хотел убить меня! Он, Сергей Войницев, развитой, честный, благородный, любящий человек! Треснуло, надломилось всё во что я верил, что любил! Проклятие моей Богом оставленной голове! Я довел эту нежную душу до убийства! Я! Несчастьем был я для людей, люди были для меня несчастьем (рыдает). Прочь от людей! Под

каждым стулом, под каждой щепкой сидит убийца, смотрит в глаза и хочет убить. Бейте! (бьет себя по груди). Бейте, пока еще сам себя не убил! (бежит к двери). Не бейте меня по груди! Растерзали мою грудь...

В этом мелодраматическом монологе сказываются следы литературных влияний, — тоном и стилем он напоминает, например юношеские драмы Лермонтова. В 80-х годах такого рода влияние было уже литературным анахронизмом, но оно объясняется, вероятно, провинциальной средой, в которой вырос Чехов, его молодостью и недостаточным знакомством в ту пору с современной ему литературой.

А вот вторая редакция той же сцены:

Войнищев входит и останавливается у дверей. Платонов, который лежит на диване, увидя Войнищева, закрывает глаза и слегка храпит.

Войнищев (подходит к Платонову): Платонов! (пауза). Ты не спишь... Не думаю, чтобы можно было спать...

Платонов: (поднимается).

Войнищев: Ты меня убил... (смотрит в окно) Ты это знаешь? (пауза). Благодарю... Мне что? Бог с тобой! Пусть! Значит так тому и быть... (плачет).

Платонов встает и медленно идет в другой угол комнаты.

Войнищев: Раз получил от судьбы подарок, и тот отняли. Мало ему его ума, красоты, его великой души... Отнял! А я? Что я? Я ничего... Добил друг!

Платонов: Уйди отсюда.

Войнищев: Сейчас. Шел на дуэль вызывать, а пришел и разревелся... Я уйду (пауза). Я окончательно потерял?

Платонов: Да.

Войнищев: Так... Разумеется.

Платонов: Уйди отсюда. Я прошу! Уйди!

Войнищев: Сейчас. Что мне здесь делать? (Идет к двери). Нечего мне здесь делать. (Пауза). Отдай мне ее назад. Платонов! Будь добр! Моя ведь она! Платонов! Ты и так счастлив. Спаси, голубчик! А? Отдай! (рыдает). Ведь она моя! Моя! Понимаешь?

Платонов: Уходи. Я застрелюсь. Клянусь честью!

Войнищев: Не надо. Бог с вами! (машет рукой и уходит).

Разница между двумя редакциями бросается в глаза. Работая над сценой, Чехов выбросил из первоначальной редакции угрозы кинжалом, ходульный монолог, истерические выкрики; новая сцена построена на полутонах и паузах; душев-

ные движения раскрываются в жестах («отходит и смотрит в окно», «медленно идет в другой угол комнаты»). Действующие лица — не романтические персонажи, а обыкновенные чеховские герои, добрые, слабые и несчастные люди, которые знают, что в их горе некого винить, и заранее подчиняются судьбе. Войницев не жаждет уже смерти соперника и на предложение Платонова покончить с собой вяло отвечает: «Не надо... Бог с вами», сознавая, что смертью Платонова ничего не исправишь. Как правдивы его колебания, последняя вспышка надежды: «Я окончательно потерял?» и робкая просьба: «отдай мне ее»!

В одной из дальнейших сцен Войницев уговаривает Софью не покидать его: «Останься со мной! Всё забуду, всё простил уже... Буду твоим рабом, любить тебя буду, как доселе не любил». Так в «Трех сестрах» Кулыгин, знающий о Машиной любви, не думает ни стреляться с соперником, ни мстить жене: «Ты моя жена, и я счастлив, что бы там ни было... Я не жалею, не делаю тебе ни одного упрека... Начнем жить опять по-старому, и я тебе ни одного слова, ни намека»...

У Чехова была привычка — заносить в записные книжки сюжеты и замыслы, материалы и краткие наблюдения. Из них иногда вырастали рассказы. О «Неизвестной пьесе» нет записей, Чехов нигде о ней не упоминает; но это раннее произведение не пропало бесследно; оно хранилось в глубине его памяти, созревало и творчески преобразилось в его позднейших пьесах.

Е. Каннак